

© 2010 г.

Иван Буздалов

академик РАСХН

главный научный сотрудник Института экономики РАН

(e-mail: 9161302015@mail.ru)

РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ПОД ПРЕССОМ «ПЕРЕКАЧКИ»

В статье рассматривается социальное положение крестьянства в российской деревне. Показываются масштабы перекачки из сельского хозяйства созданного крестьянским трудом национального дохода. Предлагаются меры и механизмы преодоления диспаритета цен на продукцию АПК, повышения оплаты труда в сельском хозяйстве, преобразования социальной инфраструктуры села.

Ключевые слова: крестьянство, социальное положение, перекачка, ножницы цен, первоначальное накопление, бюджетная поддержка, аграрный протекционизм, социальная и инженерная инфраструктура, оплата труда, приоритет сельского развития.

Вся мировая история характеризуется нелегкими испытаниями судьбы земледельца. Особые тяготы труда и самой жизни пали на долю российского крестьянства, прошедшего, по словам академика А. Никонова, тернистые пути «многовековой драмы». Между тем крестьянское сословие — это корневая система нации, основа становления современного человеческого рода, а поэтому всякое унижение его социального статуса является выражением высшей экономической и морально-нравственной несправедливости, ведущей к подрыву фундаментальных устоев всего процесса общественного развития. Вот почему сельское хозяйство и, прежде всего, условия труда и жизни занятых в нем людей объективно должно занимать особое приоритетное место в государственной политике, пользоваться государственной протекционистской поддержкой. Как отмечает президент РФ Д. Медведев в статье «Россия вперед», социальные условия жизнедеятельности селян «всегда будут приоритетом».

К сожалению, о сельском благополучии до сих пор, особенно с ведомственных позиций, продолжают судить по росту производственных показателей. Но этот рост достигался и на рабском труде, на советском государственном крепостном праве, когда рапортовали о выполнении «первой заповеди» (поставках и закупках), забывая о тех, кто обеспечивал это выполне-

ние и о том, что получил земледелец за свой труд, в каких условиях он живет. И это при том, что на труде крестьянина, этого «сеятеля и хранителя» государства, возникло и умножалось все богатство общества. С возникновением и укреплением государства власть имущие стали злоупотреблять этим трудом, смотреть на крестьянство как на второсортное сословие, используя результаты его труда для других нужд, в том числе для личного обогащения, применяя в этих целях фискальные антикрестьянские механизмы «перераспределения» этих результатов, пресловутого «первоначального» накопления или так называемой «перекачки».

Перекачку как экономическое понятие, соответствующие акции государства и различных конкретных субъектов монопольного окружения крестьянства, конкретные рычаги и инструменты по ее осуществлению (ножницы цен, «дань» с крестьянства, его военно-феодалная эксплуатация, сверхналоги и т.д.), перекачку, возведенную в «закон первоначального социалистического накопления», обычно относят к периоду большевистских экспериментов в российской деревне (20-30-е годы XX в.). На самом деле массированное, часто запредельное изъятие и перераспределение результатов крестьянского труда имеет глубокие исторические корни. В разное время оно «обставлялось» различными теоретическими доводами (например, физиократов), а больше субъективными «практическими» соображениями или якобы высшими интересами государства, а то и просто отдавалось на откуп подотчетным ему конкретным субъектам монопольного окружения сельского хозяйства (посредникам, переработчикам, поставщикам, перекупщикам и т.д.).

Вследствие кажущейся объективности такого изъятия (сельскому производителю, мол, «помогают» даровые силы природы) и не требующей особого напряжения ума «простоты» таких примитивных по сути доводов во многих странах последние были и остаются привлекательными при проведении соответствующей государственной политики. Особенно преуспели в этом большевистские правители, вооруженные абстрактными волюнтаристскими идеями и потерявшие чувство меры в формах и масштабах перекачки, что обусловило общую социальную ущербность проводившейся ими аграрной и всей экономической политики, насаждение государственного крепостного права в деревне, ее неприкрытое ограбление.

Элвин Тоффлер, автор известных книг («Метаморфозы власти», «Шок будущего», «Третья волна» и др.) в своем последнем сочинении «Революционное богатство», изданном в 2006 г., обобщая исторические процессы и делая прогнозы общественного развития на будущее, наглядно раскрывает исторические корни и разрушительные, социально порочные результаты такой политики. Он отмечает, что «сельское хозяйство ...

вызвало к жизни первую волну накопления богатства человечества», что правящая элита... установила контроль над всеми «излишками» продукции сельского хозяйства или их частью, что позволило создать государство и оплачивать роскошь правителей. В то же время «крестьяне не доедали или умирали с голоду».

Однако, отмечается далее в книге, в 30 развитых странах с общей численностью населения 1,2 млрд человек. стали воплощаться в жизнь созидательные идеи, протекционистски ориентированные, отводящие сельскому хозяйству приоритетное значение, стимулирующие инновационное преобразование сельского хозяйства как одной из фундаментальных основ общего прогресса в экономике и социальном развитии.

При этом считается, что государство несет бремя дополнительных затрат при реализации этой политики. Однако это соответствует концепции развития объективно необходимых социально справедливых взаимоотношений общества с сельским хозяйством, находящимся в особых условиях воспроизводства, повышенного риска, низкой инвестиционной привлекательности, и это в конечном счете отвечает интересам государства и всего общества. Во многих из стран с высокоразвитым сельским хозяйством его бюджетная поддержка достигает 30-40 и более процентов стоимости валовой продукции отрасли.

И в экономическом, и в социальном отношении не оправдано отводить крестьянству роль донора для обеспечения других общественных нужд, какими бы потребностями это донорство не обосновывалось. Фактически за такой мотивацией и прежде всего за деструктивной волюнтаристской теорией «первоначального социалистического накопления» стоит безответственное отношение к российской деревне, проявлявшееся в «военно-феодальной эксплуатации» советского крестьянства, причем не только во второй половине 20-х годов и в 30-х годах XX в., но и позднее. Еще Н. Бухарин предупреждал о разрушительных последствиях такой теории и практики, причем не только для сельского хозяйства, но и для экономики страны в целом. «Наивно полагать, – писал он, – будто максимум годовой перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность обеспечит максимальный рост индустрии. Наоборот, длительно наивысший темп получается при таком сочетании, когда промышленность поднимается *на активно растущем* (подчеркнуто мною – И.Б.) сельском хозяйстве. В этом случае индустриализация вместо «паразитарного» процесса по отношению к деревне становится средством ее величайшего преобразования и подъема»¹.

¹ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988, с. 410.

Именно такие результаты получены в практике всех современных индустриальных стран с высокоразвитым сельским хозяйством. Если бы соблюдались оптимальные экономические отношения между промышленностью и сельским хозяйством в России в 1928–1940 гг., то крестьянство не было бы доведено до нищеты, а страна могла бы как минимум удвоить промышленную и военную мощь. «Нет сомнения, – пишет академик Ю. Пивоваров, – что советская власть нанесла страшный удар по человеку и привела к антропологической катастрофе. Тот тип индустриализации, который Сталин навязал России, оказался тупиковым. По подсчетам ученых, если бы развитие России продолжалось так, как оно шло с конца XIX в. и до 1917 г., то к 1940 г. Россия приблизилась бы к США»¹.

В российской истории обеспечение приоритета сельского хозяйства в форме аграрного протекционизма вообще было лишь исключением. Так, Иван Калита своей политикой «разумного устройства» жизнедеятельности крестьянского сословия способствовал развитию земледелия и быстрому увеличению сельского населения, что, как отмечал В. Ключевский, дало стране два десятилетия спокойных лет, тем самым, обеспечив общее укрепление российского государства, потому и показавшего свою силу на Куликовом поле². Причем основой этой силы, спасителем государства, как затем в 1612 и 1812 гг., да и в 1941–1945 гг. было крестьянское сословие. Известны протекционистские меры и Ивана III по поддержке этого сословия в России. В последующем, в царствование Бориса Годунова, особенно в петровский период крестьянство переживало пик помещичьего и государственного крепостного права. Именно Петр I, по словам историка, сделал страну «сильной», а народ, основную массу которого составляли крестьяне, «бедным»³.

Введение отдельных протекционистских мер в отношении российского крестьянства наблюдалось в короткий период начала Столыпинской аграрной реформы с ее огромным влиянием на прогресс в сельском хозяйстве и экономике страны в целом. И в годы НЭПа одна только протекционистская направленность налоговой системы позволила активизировать созидательные силы крестьянства и тем самым вытащить сельское хозяйство из губительной трясины «военного коммунизма». Затем Сталин, отбросив НЭП «к черту», узаконил перекачку, ввел в деревне государственное крепостное право с его особенно губительными последствиями для крестьянства, уничтожением его наиболее активной, трудолюбивой

¹ Пивоваров Ю.С. Профиль, № 32, 2008, с. 21.

² Ключевский В.О. Соч. в 9 томах. М.: Мысль, 1990, т. 2, с. 20.

³ Ключевский В.О. Из литературного наследия. М.: Современник, 2000, с. 451. «Чтобы защитить Отечество от врагов, Петр опустошил его больше всякого врага» (там же, с. 452).

части. В итоге на селе восторжествовала бедность, это, по определению П. Столыпина, «худшее из рабств».

Власти современной России, бесспорно, ослабили пресс перекачки, возвращая крестьянству часть изъятых у него доходов, но масштабы такой политики не отвечают принципу приоритета сельского развития. Еще нельзя говорить об активной протекционистской поддержке сельского хозяйства государством. В современной аграрной политике принцип приоритетности сельского хозяйства носит еще во многом декларативный характер. **Сопоставление размеров изымаемых из отрасли доходов и их возврата в форме бюджетной поддержки до сих пор свидетельствует о доминировании принципа «перекачки».**

Возникает вопрос, может быть, это вытекает из особого социального статуса крестьянства, что его надо считать «второсортным» классом в структуре общества, тем более, что на этот счет имеются разного рода «авторитетные» указания. Прежде всего классики марксизма считали крестьянство неполноценным, даже «враждебным» сословием. По Ф. Энгельсу, оно является «самым жалким классом, когда-либо оставившим свой след в истории»¹. «Развивая» это положение, Л. Троцкий характеризовал крестьянина как «двуликого Януса в лаптях». М. Горький в своей книге «О русском крестьянстве» лелеял мечту о том времени, когда «вымрут эти темные тяжелые, почти страшные люди. Между тем, сообщество этих «страшных» людей дало России выдающихся государственных мужей, ученых, деятелей культуры и искусства, полководцев, промышленников и т.д.

В годы «социалистических» преобразований союзником большевики объявили лишь наиболее маргинальную часть крестьянства – бедноту, но и после насильственной коллективизации положение бедноты, в каком находилось практически все крестьянство, оставалось прежним.

К началу 50-х годов XX в. стало окончательно ясно, что в результате «перекачки» национального дохода, фактической социальной второсортности крестьянства (теперь уже колхозного), сельское хозяйство вошло в мрачную полосу острейшего кризиса. Лишь с 1953 г. постепенно начала осуществляться господдержка отрасли, которая усилилась в так называемый «застойный» период и продолжала осуществляться в годы «перестройки». В 1990 г. инвестиции в основной капитал сельского хозяйства и водохозяйственное строительство на селе достигли 18% общего объема капитальных вложений в экономику России. Вместо убыточности аграрного производства стала расти рентабельность, достигшая в 1990 г. 43%, а

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8, с. 208.

по всей финансово-хозяйственной деятельности отрасли – 37%. Оплата труда крестьян составила 95% к среднему по экономике уровню.

Однако улучшение ресурсного обеспечения села при всем значении ресурсов не могло радикально изменить мотивацию крестьянского труда, а тем самым неблагоприятную ситуацию в эффективности производства. Радикальный перелом, как показывает мировой опыт, возможен лишь в условиях социального рыночного хозяйства, базирующегося на трех фундаментальных принципах: личной свободе, экономической дееспособности и социальной справедливости. В России же, несмотря на заявленную «перестройку», фактически продолжала функционировать ресурсорасточительная административно-командная система, игнорировавшая эти принципы, соответственно, игнорировавшая приоритет личного интереса, право частной собственности, реальную экономическую самостоятельность первичных хозяйствующих звеньев. Если за 1985–1990 гг. капитальные вложения в сельское хозяйство возросли более чем в 1,5 раза, то валовая продукция лишь на 7%, а поскольку оценка результатов крестьянского труда осуществлялась не по показателям эффективности, а по выполнению любой ценой «плановых заданий», этот прирост в избытке перекрывался потерями, достигавшими по указанной причине 15 и более процентов выращенного урожая. В итоге стремительно нарастал импорт продовольствия, фактически распределявшегося (вместе со спиртными напитками) по карточной системе.

С началом рыночных реформ приоритет сельского хозяйства в части его ресурсного, организационно-хозяйственного, социального и правового обеспечения был однозначно признан на высшем политическом уровне. Первым в постсоветский период правовым актом признания этого приоритета стал принятый в конце 1990 г. закон РСФСР «О социальном развитии села», целиком соответствующий концепции приоритетности сельского хозяйства, прежде всего в части бюджетного финансового обеспечения в размере 15% национального дохода страны. Причем с экономической точки зрения и принципа социальной справедливости выделение для села соответствующих бюджетных средств было бы вполне обосновано, если считать долю крестьянского труда в создании национального дохода.

В развитие концепции приоритета сельского хозяйства, заложенной в основу указанного закона, в последующем были приняты другие, явно протекционистские правовые и нормативные акты, различные постановления правительства, ориентированные на осуществление этой концепции. В их числе закон «О приоритетном обеспечении агропромышленного комплекса материально-техническими ресурсами» (1991 г.), постановление Госдумы «О критической ситуации в агропромышленном комплексе» (1997 г.), закон «О государственном регулировании агропромышлен-

ного комплекса» (1997 г.), многие постановления правительства, в частности об обеспечении ценового паритета в АПК.

Последовательно приоритетной направленностью характеризовался упомянутый закон о госрегулировании АПК, причем главным источником обеспечения государственной поддержки сельского хозяйства определялся федеральный бюджет. Однако анализ размеров и исполнения аграрной части федерального бюджета за указанные и последующие годы свидетельствует об отсутствии каких-либо активных действий правительства РФ в указанном направлении. Нацпроект «Развитие АПК» и «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственного сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.» ориентированы на усиление господдержки аграрного сектора, но в целом между необходимым ресурсным обеспечением приоритета сельского развития и фактическими показателями этого обеспечения далеко не преодолены огромные различия. А это означает, что на деле **сельское хозяйство не только не стало действительным приоритетом в экономической политике государства, но по сравнению даже с «застойным» периодом значительно потеряло свои позиции в прямом бюджетном финансировании.**

Обобщающими показателями формальности признания приоритетности сельского развития и вместе с тем полноценности социального статуса российского крестьянства являются: 1) снижение доли инвестиций в основной капитал аграрного сектора до 5% (причем из общей их суммы на федеральный бюджет приходится лишь 2%); 2) сокращение за годы реформ доли аграрного бюджета в общем бюджете страны на порядок (к 2009 г. до 1%); 3) недоплата за труд работников сельского хозяйства в сравнении со средним уровнем в 2 с лишним раза; 4) сохраняющаяся убогость сельской социальной и инженерной инфраструктуры. Иными словами, при формальном признании приоритета сельского хозяйства еще нет глубокого понимания необходимости его адекватного практического правового, ресурсного, организационно-управленческого и общего макроэкономического обеспечения. Фискальные изъятия из созданного крестьянским трудом национального дохода через механизм перекачки в пользу государства и рыночных субъектов монопольного окружения отрасли частично возвращаются через аграрный бюджет. Но это в лучшем случае пятая часть общей суммы этих изъятий. В 2007 г. из общего объема валовой продукции сельского хозяйства товарная ее часть составила примерно 40% (в розничных ценах свыше 2,8 трлн руб.). Выручка же СХО составила 734 млрд руб., прибыль – 50 млрд руб., налоги и сборы 56 млрд руб., рентабельность 7,0%. Если издержки обращения (транспорт, переработка, хранение, реализация) по доведению продукции до конечного потребителя исчисляются суммой максимум 700 млрд руб., то из сельского хозяйства было «выкачено» примерно 1,2 трлн рублей. В

2008 г. бюджетная поддержка сельского хозяйства со всеми добавками, разного рода льготами и преференциями не превышала 15%, а в 2009 г. 10% этой суммы. **По меньшей мере 1,2 трлн руб. созданного в сельском хозяйстве валового дохода сейчас изымается из отрасли через разорительные для крестьянства фискальные акции перекачки или пресловутого «перераспределения».** Формы и механизмы этого перераспределения изменились, но село продолжает испытывать на себе обременительный пресс перекачки.

В результате этой перекачки большинство СХО фактически неплатежеспособно, лишено собственных накоплений и по сути является банкротами. **На 27 тыс. СХО в последние годы приходилось более 20 тыс. процедур банкротства.** Вследствие упавшего до предела платежеспособного спроса со стороны СХО стагнирует сельхозмашиностроение, работающее на 20-25% своей мощности. В 2008 г. на 27 тыс. СХО и 258 тыс. К(Ф)Х приобрели около 20 тыс. тракторов (т.е. на порядок меньше, чем в 1990 г.), в 4 раза меньше зерноуборочных комбайнов и т.д. **Списание техники за 2000–2008 гг. в 2-3 раза превысило ее поступление,** в результате чего, например, тракторный парк сократился с 747 тыс. до 390 тыс. шт., зерноуборочных комбайнов в 2 раза и т.д. 90% производимых в стране минеральных удобрений отправляется на экспорт для удобрения полей зарубежных фермеров, а в России внесение их на гектар посевной площади (60% которой вообще не удобряется) снизилось за 1990–2008 гг. с 88 до 35 кг.

Правительство считает своим достижением начавшийся в последние годы экспорт российского зерна, объемы которого российские представители на Петербургском зерновом конгрессе в июне 2009 г. слишком самоуверенно прогнозируют довести до 50 млн т. Но при этом они умалчивают, что сокращение стада крупного рогатого скота и свиней за 1990–2008 гг. с 85,3 до 37,4 млн голов искусственно создает «излишки» зерна (в 2009 г. 20 млн) и одновременно влечет за собой импорт в огромных количествах замороженного и часто залежалого мяса, других продуктов животноводства. Ничего также не говорится о том, что от экспорта зерна получают сельские товаропроизводители, а что перекупщики и посредники. Из советской истории 30-х годов известно, что массированный экспорт зерна происходил за счет фактического ограбления деревни, приводил не только к подрыву кормовой базы животноводства, но и к недоеданию самого сельского населения. Ущемление интересов села повторяется и теперь: из прибыли от экспорта зерна его непосредственные производители получают в лучшем случае гроши. Львиная доля достается посредникам, кому угодно, только не производителям. Это открытый вызов чувству социальной справедливости. Ситуация с рентабельностью лишает сельское хозяйство стимулов развития.

Полученную в 2008 г. «наивысшую» с 2000 г. рентабельность сельского хозяйства на уровне 8,1% нельзя считать достижением. Это следствие того, что в издержки включена вдвое заниженная оплата труда, которая немногим превышает нынешнее пособие по безработице. Результат – отток из села трудоспособного населения, молодежи, общее снижение трудовой активности. (Можно, как в советских колхозах, платить за труд копейки или вообще ничего не платить, тогда можно показать еще более высокую рентабельность.) **На деле сельское хозяйство за последний более чем десятилетний период перманентно убыточно.** В том же 2008 г. недоплата за крестьянский труд по сравнению со средним по экономике уровнем только в расчете по товарной продукции составила около 70 млрд рублей. А это значит, что показываемая органами статистики прибыль сельского хозяйства на самом деле в основном есть «экономия» на искусственном занижении оплаты сельскохозяйственного труда.

Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. прогнозирует эту рентабельность (при той же искусственно заниженной оплате труда) на уровне 10%, акцентируя внимание на кредитовании села и обходя острые вопросы ценообразования в сельском хозяйстве, прежде всего необходимость прямой целевой поддержки аграрных цен, что должно было бы стать одним из узловых моментов регулирования агропродовольственного рынка в направлении обеспечения приоритетной поддержки сельских товаропроизводителей. Именно прямая гарантированная поддержка аграрных цен в странах Запада составляет 60-70 и более процентов господдержки, что отодвигает на второй план стремление к получению заемных средств и сводит на нет задолженность по кредитам. Госпрограммой на регулирование агропродовольственного рынка, следовательно, на поддержку аграрных цен предусмотрено выделение всего 1,3% общих ассигнований.

Важны, особенно при нынешних заоблачных, «ростовщических» процентных ставках, и субсидируемые кредиты, но их (наряду с колоссальной кредиторской задолженностью СХО, возросшей за два года реализации нацпроекта «Развитие АПК» в 1,7 раза и достигшей в 2008 г. суммы почти 900 млрд руб, что многократно превысило всю оставшуюся в них прибыль) надо возвращать, тогда как финансовых возможностей такого возврата, если даже и далее занижать оплату крестьянского труда на 50%, большинство хозяйств не имеют. Все это, как и запредельно «экономная» государственная инвестиционная и общая бюджетная поддержка сельского хозяйства, является наглядным подтверждением вывода о том, что в экономических отношениях его с государством, партнерами, посредниками, заготовителями и т.д., вместо приоритетной протекционистской поддержки преобладает перекачка, тот же характерный для советского колхозного крестьянства «остаточный» принцип ресурсного обес-

печения сельского развития. В странах, где эта поддержка является действительным приоритетом аграрной политики, наоборот, ее размеры неизменно превышают налоговые и прочие отчисления из доходов сельхозпроизводителей.

Достаточно привести пример такой близкой к России по структуре экономики страны, как Норвегия. Располагая богатейшими природными ресурсами, запасами углеводородов, гидроресурсами и экспортируя нефть, электроэнергию, получая от этого большую прибыль (и формируя, не в ущерб реальному сектору, фонд будущих поколений) эта страна могла бы без излишних хлопот о вложениях в свое сельское хозяйство покрывать импортом половину, а то и более потребностей в продовольствии. Но в Норвегии в отличие от России государство рассматривает крестьянина как полноправного гражданина, имеющего право на справедливую оплату труда. Кроме того учитывается его роль в обеспечении общей устойчивости социально-экономического развития, его функция удовлетворения потребностей общества в экологически чистых высококачественных продуктах питания. Именно реальная забота государства о крестьянстве, как «корневой системе» нации, о каждой конкретной крестьянской семье, об условиях труда и качестве жизни в деревне побуждает государство вкладывать в сельское хозяйство значительные дополнительные бюджетные средства из той же экспортной выручки. Объем среднегодовой поддержки аграрного сектора Норвегии составляет почти 2/3 стоимости валовой сельскохозяйственной продукции, причем в расчете на сельского жителя (а именно такой расчет должен быть положен в основу сравнительного анализа господдержки села) выделяется более 30 тыс. долларов, на 1 гектар сельхозугодий – около 3 тыс. долларов. На этом фоне российские показатели крайне низки.

Масштабная поддержка аграрного сектора, как отражение нормальных, объективно обусловленных его взаимоотношений с государством, осуществляется во многих других странах (причем не имеющих серьезных запасов ни нефти, ни газа). Наглядный пример в этом отношении представляет бывшая отсталая российская окраина – Финляндия, ныне экспортирующая в Россию (в обмен на сырье) мирового класса станки, оборудование, электронику, качественные пищевые продукты). Финляндия создала такие взаимоотношения с аграрным сектором, которые исключают структурные деформации в экономике, благодаря активной протекционистской поддержке сельского хозяйства обеспечила экономический и социальный прогресс в этой отрасли, фактическое «преодоление существенных различий между городом и деревней». В России же для села по-прежнему характерны бедность, безработица, общее социально ущербное положение занятых. Российские крестьяне остаются и пока и далее обречены оставаться второстепенными, во всем ущемленными людьми.

В связи с этим заслуживает внимания опыт Беларуси, где на развитие аграрного сектора выделяется (правда, во многом за счет российских ценовых и прочих льгот) 12% общего бюджета страны, т.е. на порядок больше, чем в России.

Российское государство, получая в последние годы огромную прибыль от экспорта имело (и имеет при нынешних мировых ценах на нефть и газ) исторический шанс создать для крестьянства оптимальные условия хозяйствования, решительно «продвинуть» сельское хозяйство в такое социально-экономическое состояние, которое позволит, по мысли президента РФ Д. Медведева, превратить Россию в «мировую продовольственную державу». Но для этого нужны не общие намерения и полумеры, не разовые (посевные, уборочные и прочие) акции, реализуемые часто через посредников (Росагролизинг и т.д.), а, как в других странах современного мира, системная долгосрочная стратегия, последовательная реализация принципа приоритетности сельского хозяйства. Эта стратегия предполагает прежде всего прямую гарантированную поддержку аграрных цен для обеспечения необходимой доходности, рентабельности на уровне 20-25% с включением в издержки оплаты труда на уровне минимум 70% к среднему по экономике с последующим их выравниванием.

Пока аграрный бюджет, доля села в инвестициях, меры по поддержке цен для СХО, а следовательно, и уровень их доходности, рентабельности, остаются крайне недостаточными. В российском сельском хозяйстве есть и передовые предприятия, отдельные «маяки», но в целом по-прежнему оно остается технически отсталым, полуразрушенным, и его человеческий потенциал деградирует.

Одновременно затрачивались и затрачиваются колоссальные, в 5 с лишним раз превышающие аграрный бюджет суммы на импорт продовольствия. Только за 2008 г. импорт возрос на 9 млрд долларов и достиг беспрецедентной суммы в 36 млрд долларов, т.е. за один год рост составил 35%, а в переводе на упавший рубль – в 1,5 раза. Причем из до предела урезанного консолидированного аграрного бюджета (в 4-5 раз меньше, чем суммы ежегодной перекачки из отрасли создаваемого в ней национального дохода страны) лишь $\frac{1}{4}$ достается непосредственному товаро-производителю.

Финансовое обеспечение Госпрограммы развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг. не превышает 1/3 минимальных стартовых потребностей, необходимых для появления тенденции устойчивого развития. При этом федеральный бюджет берет на себя крайне скромную долю указанного обеспечения (около 39%), перекладывая финансирование программы на субъекты Федерации и внебюджетные источники, крайне условные и ненадежные. Это показало выполнение Федеральной программы социального развития села до 2010 г., особенно в части привлечения предполагавшихся внебюджетных источников и средств большинства ре-

гионов, дотируемых трансфертами федерального бюджета в условиях, когда запланированное общее финансовое обеспечение в 4 раза ниже минимальных стартовых потребностей.

Все это предопределяет сельский пейзаж, а он в широком социально-экономическом смысле этого слова – лицо нации, самый верный показатель развитости страны, степени ее системной научно-технической модернизации и общей цивилизованности, а в конечном счете – профессионализма политического руководства государства. Пока в России это лицо продолжает выглядеть изможденным. На обширных сельских территориях, особенно Центра, Северо-Запада и Северо-Востока России, Урала, Сибири и т.д. уже некому работать. О существовании десятков тысяч некогда (даже «в лихие» советские годы) относительно благополучных сел и деревень напоминают их жалкие, заросшие бурьяном и чертополохом, останки. Оставшиеся на селе жители в своем большинстве по продолжительности жизни, соотношению рождаемости и смертности, гендерной структуре, состоянию здоровья, суициду на 10 тыс. населения и т.д. находятся в самом тяжелом положении. Протестные эмоции сельские жители «заглушают» первенством в потреблении в основном суррогатного алкоголя, самогона, размеры которых за 2000–2007 гг. в расчете на «душу населения» увеличились почти в 2 раза. Иначе говоря, село «спивается, что может окончательно погубить деревню»¹.

Для России жизненно важно обеспечить бюджетную поддержку более эффективного производства, эффективных собственников. При этом на данном историческом этапе особый акцент необходимо сделать на радикальном преобразовании социальной сферы села, одинаково значимой для СХО с самым различным уровнем развития и размеров производства. А это требует соответствующих дополнительных бюджетных средств, в первую очередь федерального уровня, так как проблема приобрела важнейшую общенациональную значимость и остроту. Ведь даже финансовое обеспечение потребностей декларируемой руководством страны модернизации сельскохозяйственного производства на новой, инновационной основе, по откровенному признанию В. Путина, «недопустимо мало». Финансирование социальной сферы села из всех источников, в том числе по федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2010 года», совершенно не отвечает даже минимально необходимым потребностям не только модернизации, но и предотвращения дальнейшей деградации. За 1990–2008 гг. посевная площадь в стране сократилась с 117,7 до 76,9 млн га, на десятках миллионов гектаров царит запустение, как, наверное, еще раз сказал бы Ленин, состояние «забитости и одичалости».

¹ Бондаренко Л.В. Алкоголизация села: миф или реальность. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, 2008, № 2, с. 51-54.

Разрабатывая пути подъема села, нужно учитывать, что предпосылками высокопроизводительного использования трудового и всего ресурсного потенциала сельской местности, а, следовательно, сбалансированного общего социально-экономического развития народного хозяйства является многообразие форм хозяйствования и многофункциональность. Это условие рациональной социальной структуры и эффективного функционирования аграрного сектора.

Итак, только для стартового обеспечения развития сельского хозяйства в минимальном объеме нужно обеспечить рентабельность отрасли в 20-25%. Помимо указанного источника отказа от изъятия создаваемого в самом сельском хозяйстве национального дохода, имеются и другие, лежащие на поверхности дополнительные источники пополнения аграрного бюджета, прежде всего его федеральной части (природная рента, прогрессивный подоходный налог, налог на предметы роскоши и т.д.). На первом этапе потребности исчисляются суммой минимум в 400 млрд руб. в год (т.е. всего около 1/3 размеров «перекачки») с последующим их увеличением до 500-550 млрд руб., в том числе на поддержку аграрных цен не менее 150-200 млрд руб., на социальные нужды села – до 150 млрд руб. Первым шагом в указанном обеспечении явилось бы полное поэтапное списание всей (свыше 900 млрд руб.) кредиторской задолженности СХО, возникшей не по их вине, а в результате необоснованной перекачки, и освобождение от уплаты налога хозяйств с критическим уровнем рентабельности ниже 15%.

Для поддержки аграрного сектора необходимы: 1) бюджетная, прежде всего прямая ценовая поддержка доходов СХО, обеспечивающая возврат селу необоснованных изъятий созданного крестьянским трудом национального дохода; 2) применение действенного механизма распределения средств господдержки, обеспечивающего строго селективное направление ресурсов в зависимости от уровня эффективности производства и повсеместную модернизацию сельской социальной и инженерной инфраструктуры сельских поселений независимо от экономического состояния СХО; 3) правовое обеспечение приоритета сельского развития, с особым акцентом на реализацию принципа аграрного протекционизма, что требует соответствующих изменений и общего упорядочения всей системы аграрного законодательства.

Существующий механизм социально-экономических отношений крестьянства с государством, как и система государственного и хозяйственного управления аграрным сектором, крайне несовершенны. В результате и те выделяемые сегодня скудные бюджетные средства для села не обеспечивают должной отдачи, что дает определенные основания для поверхностных умозаключений о сельском хозяйстве вообще, как о «черной дыре». Рычаги и инструменты действующего механизма противоречивы,

не согласованы, не образуют единой системы, не просчитаны с точки зрения внутриотраслевых приоритетов, эффективности, необходимого ресурсного обеспечения, его дополнительных источников, а главное, не предусматривают жесткой адресной ответственности за выполнение принятых решений, проектов, целевых программ. В итоге ослабляются или сводятся на нет как регулирующие, так и стимулирующие функции аграрного протекционизма, что имеет и далее будет иметь негативные последствия для производства, будет сокращать возможную величину эффекта от целевых бюджетных средств для обеспечения приоритетной поддержки сельского развития и роста общего ресурсного потенциала аграрного сектора.

Между тем мировая практика выработала и использует механизмы таких отношений, при которых каждый доллар, евро и т.д. средств господдержки целенаправленно работает на рост эффективности и преобразование социальных условий труда и жизни в сельской местности. Здесь ничего не надо изобретать, а нужно шире использовать проверенный жизнью имеющийся зарубежный опыт в этой области с соответствующим законодательным обеспечением, в том числе в отношениях СХО с предприятиями первой сферы АПК, с банковской системой, переработчиками, другими партнерами и посредниками, во внешнеэкономических связях. Пока эти отношения складываются неудовлетворительно из-за малоэффективного механизма.

Аграрное законодательство нуждается в основательной ревизии, всестороннем обновлении и систематизации, с выходом на разработку единого полноценного протекционистски ориентированного закона о сельском хозяйстве прямого действия. В настоящем виде это законодательство крайне противоречиво и запутано, что вносит неопределенность и элементы произвола в рыночную стратегию развития аграрных отношений и в практику их государственного регулирования, создает правовое «прикрытие» давящего на крестьянство пресса монопольного окружения и структурных деформаций в экономике.

Вполне очевидно, что сегодня российское государство считает, что более важными, чем подъем сельского хозяйства, являются Олимпиада-2014, Тихоокеанский форум, Северный поток и т.д., «обеспечение жизни» владельцев крупного бизнеса с его запредельными (свыше 500 млрд долларов) суммами внешнего долга, частично использовавшегося на персональное обогащение руководящей верхушки этого бизнеса. Власть исходит из того, что крестьянство, с его якобы «менее важными» социальными нуждами, опять подождет, потерпит, как-нибудь выживет. Тем временем страна тратит огромные средства для импорта продовольствия. А ведь страны Запада даже в нынешней кризисной ситуации не меняют аграрной политики, не собираются отказываться от стратегии активной протекционистской поддержки сельского хозяйства, не намерены сколько-нибудь существенно снижать ее.